

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ. ГИПОТЕЗАХ. ЛЕГЕНДАХ.

Мир новостей. - 1999 - 13 февр. - с.12

Не только история русского театра двадцатого века, но и история мирового театра немыслима без Мейерхольда.

Назым Хикмет

Жаль, что эти слова великого поэта о великом мастере театрального искусства были сказаны в 1955-м, а не пятнадцатью годами раньше. Как знать, прозвучи эти слова тогда, подпишишь под ними все те, кто его хорошо знал и работал с ним бок о бок, быть может, и не было бы дела № 537, утвержденного лично Берия и закончившегося приговором, подписанным Ульрихом: "Мейерхольд-Райха Всеволода Эмильевича подвергнуть высшей мере уголовного наказания - расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего имущества".

Его взяли 20 июня 1939 года. Юридическим обоснованием ареста было постановление, подписанное Берия и его правой рукой в подобного рода делах - начальником следственной части Кобуловым. Но истинным мотивом - страх перед свободомыслием гения, перед успехом и силой его театральных постановок.

Всеволода Эмильевича бросили в печально известную внутреннюю тюрьму. А там все началось с заполнения анкеты арестованного. Из этой анкеты мы узнаем, что Всеволод Эмильевич родился в 1874 году в Пензе. По национальности - немец, образование - среднее. Отец, который был купцом, умер, мать - тоже. Жена - Зинаида Райх, актриса. Дети - Есенина Татьяна Сергеевна, 21 год, и Константин Сергеевич, 19 лет; и Татьяна и Константин дети Зинаиды Райх от ее брака с Сергеем Есениным. Всеволод Эмильевич член ВКП(б) с 1918 года. Место работы - главный режиссер Государственного оперного театра имени Станиславского.

А потом начались допросы. Они шли днем и ночью, причем, как позже выяснится, очень жесткие. Уже через неделю следователи добились весьма ощутимых результатов: Мейерхольда вынудили написать собственноручное заявление самому Лаврентию Берия. Вот что написал и подписал Мейерхольд 27 июня 1939 года.

"Признаю себя виновным в том, что, во-первых:

В годах 1923-1925 состоял в антисоветской троцкистской органи-

зации, куда был завербован неким Рафаилом... Результатом этой преступной связи была моя вредительская работа на театре...

Во-вторых. В годах приблизительно 1932-1935 состоял в антисоветской право-троцкистской организации, куда был завербован неким Рафаилом... Результатом этой преступной связи была моя вредительская работа на театре...

В-третьих. Был привлечен в шпионскую работу неким Фредом Гереем (английским подданным), с которым я знаком с 1913 года. Он уговаривал меня через свою жену, которая была моей ученицей, бросить СССР и переехать либо в Лондон, либо в Париж...

В принципе дело можно было заканчивать, так как Всеволод Эмильевич признался практически во всем, что ему вменялось в вину в постановлении на арест, подписанном Берия и Кобуловым еще 19 июня. Но следствие решило выяснить все, что касается вредительской деятельности Мейерхольда в области искусства.

На предыдущем допросе вы заявили, что в течение ряда лет были двурушником и проводили антисоветскую работу. Подтверждаете это? - спросил следователь.

Да. Мое антисоветское влияние распространялось не только на таких моих учеников, как Сергей Эйзенштейн, Василий Федоров, Эраст Гарин, Николай Охлопков, Александр Нестеров, Наум

Лойтер, но и на ряд представителей других искусств.

- Кто эти лица? Назовите их! - настойчиво потребовал следователь.

И Мейерхольд назвал. Понимал ли он, что делает? Отдавал ли себе отчет в том, что по каждому названному имени тут же начнется оперативная раз-

какими людьми сводила его судьба, какие титаны мысли оказали на него свое влияние! Вы только вчитайтесь в этот перечень имен: Мейерхольд, Пшебышевский, Белый, Брюсов, Бальмонт, Аннунцио. Он рассказывает о парнасцах, символистах и акмеистах, о знаменитых "Средах" у Вячеслава Иванова, об общении с Мережковским, Струве, Гиппиус, Ремизовым... А встречи с Чеховым, Горьким, Блоком, Комиссаржевской, Савиной! И не только встречи, но и совместная работа с этими великими людьми, составлявшими цвет и гордость русской культуры.

То ли под влиянием этих воспоминаний, то ли он просто встряхнулся, но в начале октября к Всеволоду Эмильевичу пришло са-

методах "оказания давления". "Меня клали на пол лицом вниз, - пишет Мейерхольд, - и били резиновыми жгутами по пяткам и по спине. Когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам, причем по старым синякам и кровоподтекам, так что ноги превращались в кровавое месиво... следователь все время твердил, угрожая: не будешь писать, будем опять бить, оставив нетронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного, окровавленного тела. И я все подписывал..."

Но вопрос был уже решен заранее. 1 февраля 1940 года состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР под председательством известного в те годы палача Уль-

МЕЙЕРХОЛЬД: ХРОНИКА РАССТРЕЛА

работка, что каждый из его друзей может оказаться в соседней камере? Мы еще получим ответы на эти вопросы, а пока что он - воспользуемся тюремным жаргоном - безудержно колосся.

Но, судя по всему, лейтенант госбезопасности Воронин был не очень-то удовлетворен даже этими показаниями подследственного. Ему нужно было сломать не только физические, но и морально не очень здорового 66-летнего деятеля искусства. Почти целую неделю Всеволода Эмильевича не вызывали на допросы, но с ним работали заплочных дел мастера. Результаты не замедлили сказаться.

Самое удивительное заявление Всеволод Эмильевич сделал 19 июля.

- Я являюсь еще и агентом японской разведки...

На некоторое время Всеволода Эмильевича оставляют в покое, но... предложили написать собственноручные показания - и он согласился. Тридцать одна страница написана рукой Мейерхольда, но как написана... Надо было видеть эти ломанные раздерганные строчки, чтобы понять, как достались они Всеволоду Эмильевичу. Его показания - это, собственно говоря, не показания, а своеобразный творческий отчет. С

мое настоящее прозрение: он понял, что творит нечто непотребное. Следователи запаниковали - обвинение разваливалось, как карточный домик. А Всеволод Эмильевич потребовал бумаги и снова засел за собственноручные показания. Но теперь это были показания не сломленного больного арестанта, а мужественного, все понявшего и принявшего решение человека.

Казалось бы, все показания, данные на предварительном следствии, полностью дезавуированы и дело надо закрывать. Не тут-то было: 27 октября 1939 года Мейерхольду предъявляется обвинительное заключение, в котором его по-прежнему называют кадровым троцкистом, агентом английской и японской разведок.

Несколько позже у него поинтересовались, имеет ли он какие-нибудь жалобы и заявления.

- Никаких жалоб по отношению к следствию не имею, - ответил Всеволод Эмильевич. - Следователь Шибков никакого давления на меня не оказывал, а следователи Воронин, Родос и Сериков оказывали давление.

Всеволод Эмильевич пишет Молотову, Берия, прокурору, что он отказывается от всех своих показаний и сообщает о тех самых

риха. И хотя Всеволод Эмильевич виновным себя не признал и свои прежние показания не подтвердил, суд приговорил Мейерхольда к расстрелу. 2 февраля приговор был приведен в исполнение.

...Прошло пятнадцать лет. Все эти годы имя Всеволода Эмильевича Мейерхольда нигде никак не упоминалось, а если и упоминалось, то только как врага народа. Но с наступлением хрущевской "оттепели" российская интеллигенция встрепенулась. Сколько писем было написано в самые различные инстанции, сколько жалоб и просьб с требованием реабилитации Мейерхольда!

Вскоре приговор Военной коллегии был отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Но самое главное, был возрожден расстрелянный Театр, ведь в лице Мейерхольда большевики расстреляли Театр. Причем именно с большой буквы. Пока живут идеи одного из величайших мастеров, пока есть люди, готовые идти на любые лишения ради реализации этих идей, Театру жить! А значит, жить человеку, который был одним из любимейших сыновей Мельпомены.

Борис Сопельняк